Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

По Швейцарии - на поезде, на велосипеде и пешком | Voyage en Suisse - en train, en vélo et à pied

Author: Надежда Сикорская, Женева , 27.06.2016.

Шарль-Альбер Сангрия (1883 - 1954) (©Roger Mantondon)

В оригинальное путешествие без определенной цели приглашает книга писателя Шарля-Альбера Сангрия, любившего русских женевских старушек.

|

"Florides Helvètes" de l'écrivain Charles-Albert Cingria, qui aimait des vielles dames russes, vous invite dans ce voyage original sans but precis, maintenant disponible en russe.

Voyage en Suisse - en train, en vélo et à pied

Весной 2010 года Посольство Швейцарии в Москве представило российской публике выставку, посвящённую Шарлю Альберу Сангрия (1883-1954), «удивительному писателю из франкоязычной Швейцарии». В презентации говорилось: «С неповторимым остроумием Сангрия рассказывает о тысячах событий нашего мира. Множество рассказов, разбросанных по разным журналам, с трудом находили своего издателя при жизни автора. Сегодня они вновь обретают увлеченного читателя».

Два года спустя в издательстве «Текст», активно популяризующем современную швейцарскую литературу, тиражом 3000 экземпляров при поддержке Швейцарского фонда культуры «Про Гельвеция» вышел, в переводе Елены Морозовой, сборник рассказов писателя «Цветники Гельвеции», посвященных его родной Швейцарии. «Наследник большого, но быстро улетучившегося состояния, любимец парижской богемы, велосипедист и страстный любитель альпийских прогулок, ученый с ностальгией по позднему Средневековью, тонкий ценитель вина, скончавшийся от цирроза печени в день национального праздника – это швейцарский прозаик Шарль-Альбер Сангрия», - читаем мы на обложке книги. Сам же автор называет свои рассказы «маленькими чертовщинками», просит не искать в них морали и признается, что написаны они «под настроение».

В сборник вошли три рассказа: «Цветники Гельвеции», «Лозанна. Впечатления прохожего» и «Прогулка в Верховьях Роны, или Вечерница и медвежий лук». О чем они? Обо всем и ни о чем. Их можно было бы использовать в качестве путеводителя, если бы не эксцентричные заявления автора, перескакивающего с мысли на мысль и не следующего очевидной логике изложения. При всем уважении к Владимиру Димитриевичу, издавшему эту книгу в Editions L'Age d'Homme, и к выбору «Про Гельвеции» мы бы не отнесли эти сочинения, каждое из которых снабжено датой и кратким содержанием, к «большой литературе», но с краеведческой, так сказать, точки зрения, они могут представлять интерес. Сангрия рассматривает любимую Швейцарию словно под микроскопом и щедро делится сделанными находками.

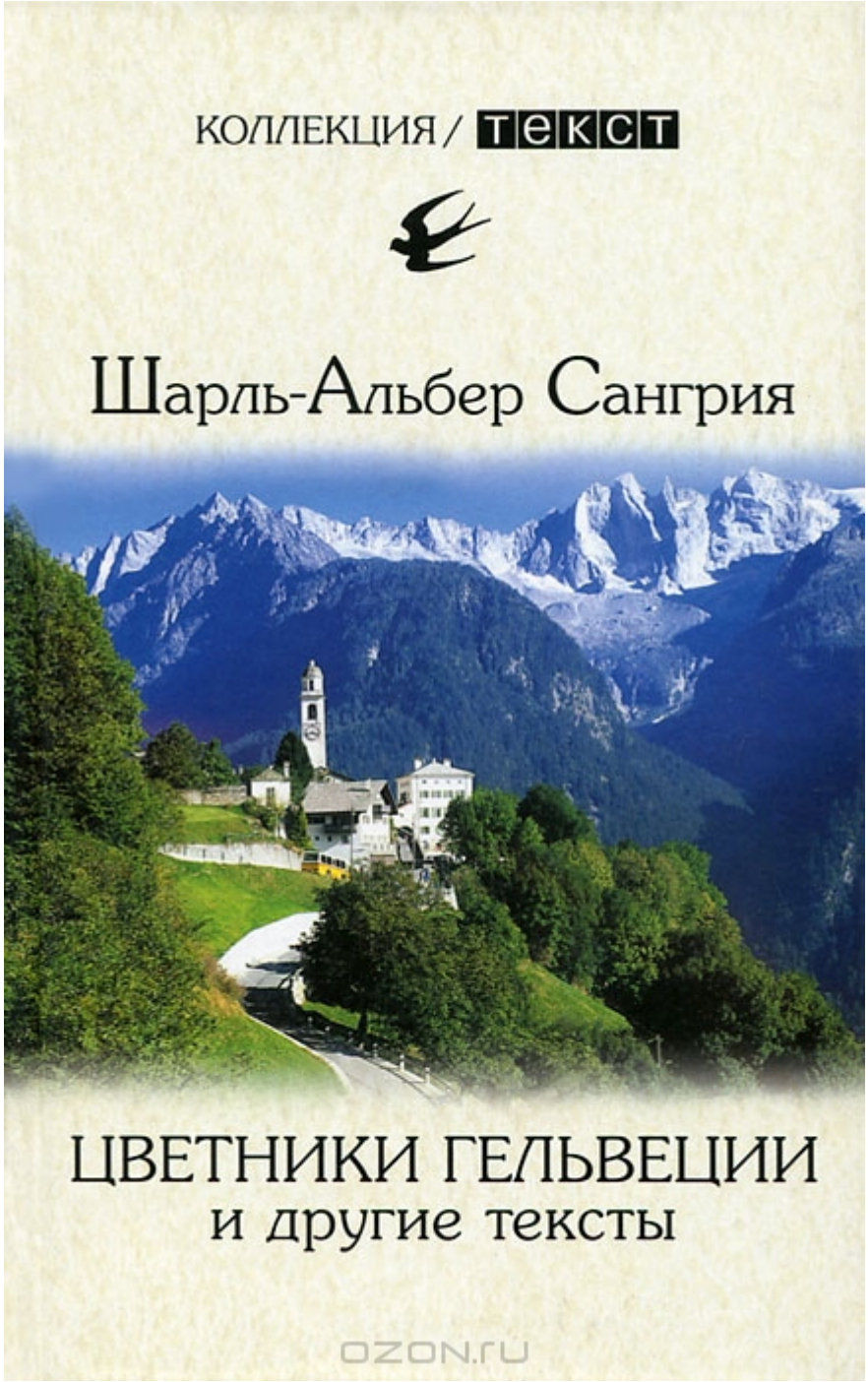
Во вступлении к «Цветникам Гельвеции» Сангрия сообщает, что подражал Апулею и по манере изложения, и по жанру, и даже название позаимствовал у него. Те, кто «проходил» или просто читал в свое удовольствие великого древнеримского писателя и поэта, имеют возможность оценить, насколько удался ремейк.

Русскоязычного читателя наверняка умилит первый же «рассказик в рассказе», в начале которого автор признается: «я обожаю русских старушек. Не устаю удивляться, как им – буквально на пустом месте – удается сохранять комфорт душевный и физический. Тут кроется подлинное чудо…». Да, мы тоже любим наших бабушек, на век большинства из которых выпало не одно вхождение в горящую избу. Старушки Сангрии – оказавшиеся в Женеве эмигрантки «первой волны», сумевшиеся спастись после крушения монархии, болтающие о пустяках и пьющие чай с ромовой бабой и яблоками на берегу Арвы. Болтовня самого автора, в свою очередь умиленного восторгами, расточаемыми старушками в адрес Швейцарии, меняет тональность, когда он становится свидетелем странной сцены: элегантные пожилые дамы аристократического происхождения дружно вздрагивают и приходят в

смятение от неурочного стука в дверь. Оказалось – молочник, но одна из них поясняет: «Только в России вздрагивают при стуке в дверь. Там стучат так, как только что постучал молочник. Те, кто в доме, переглядываются. Может, не открывать? Но тогда дверь расшибут прикладами. Поэтому открывают. И обитателей дома тотчас становится на одного меньше.» От прошлого не уйдешь. Даже в Швейцарии.

Далее мы следуем за писателем - и по его следам в буквальном смысле, и за потоком его сознания. Пытаемся проникнуться его искренней любовью к Берну - городу, где нет воров. Свои чувства к административной столице Швейцарии автор пытается аргументировать (словно любовь нуждается в аргументах!). Легко представить себе, как он загибает пальцы, перечисляя: живописность, вежливость персонала аптек и магазинов, гипертрофированная дисциплина жителей, красота бернского диалекта…

Посещаем Зоологический музей и монастырскую церковь Пайерна, который автор в щедроте своей сравнивает с Югом Франции. Узнаем этимологию названий городов Сьон и Сьер, один из кварталов которого, по утверждению автора, населен «хвастунами», там «царит непобедимый дух местечкового радикализма», а «антиклерикализм никому не мешает вешать распятие в каждой спальне».



Деревни Пюлли, Кюлли, Лютри, затем городки с русскими церквушками… Мотре-Вильнев-Глион. Трамваи, веранды и виллы в окружении садов.
Особое место в повествовании Сангрии занимает Лозанна, которую он называет городом, таинственным до жути. «Для меня Лозанна подобна человеку, человеческой личности, являющейся независимо от своей этнической принадлежности частицей мироздания; основанная на прочном фундаменте этажная структура города … отлично приспособлена для повседневных трудов; этажи с легкостью встают друг на друга, словно башня из стульев на гнутых ножках, сохраняющая равновесие, даже когда вокруг все содрогается от гула».

«Прикасаемся» к Сергею Дягилеву, когда-то жившему в деревне Бельрив. Увиденная Сангрией «вилла Дягилева наводит уныние. Влюбленные осаждают ее укромные уголки, а старые кошки приползают в кусты, чтобы там умереть.» Радуемся вместе с тем тому, что старый дом начали ремонтировать.

Узнаем много интересного о религиозной истории Лозанны, о лепрозории, существовавшем здесь еще до 1228 года, о мятеже, поднятом Давелем, о трусости Совета двухсот и о неспособности водуазцев принимать решения.

Восторженное описание величественных швейцарских лесов не оставит равнодушным любителей природы. «Как ни ищи, в мире мало народов, обладающих такой большой – из расчета на душу населения – площадью, занятой лесом. Леса – украшение швейцарских кантонов».
Из кажущегося поверхностным текста вдруг выныривают вполне реалистичные сентенции. О том, например, что «для прожигания жизни необходимо иметь родительскую поддержку» (это в адрес лозаннских студентов – НС), а «артистической легкости надо добиваться, равно как и утонченности – и не только духа, но и плоти, ибо та зачастую весьма неуклюжа».

Известны автору и причины извечного соперничества между Женевой и Лозанной, и то, как прославились в России тичинские зодчие… Одним словом, информации много, но она бессистемна, что может вызвать раздражение у некоторых читателей. Мы бы не занесли эту книгу в список «обязательного чтения», но летом, на досуге, почему бы и не прочитать?

Швейцария

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/culture/po-shveycarii-na-poezde-na-velosipede-i-peshkom